

ЮРИДИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИМЕНИ У МОРДВЫ

В статье рассматриваются обычно-правовые аспекты антропонимии у мордвы, описываются обычаи имянаречения, отражавшие тот или иной этносоциальный статус человека. Наиболее подробно описывается мордовская традиция обозначения в семье снох особыми «жизненными» именами. Автором анализируется история становления фамилий, прозвищ, характеризуется процесс государственно-правового упорядочения антропомических категорий в целях более объективного и полного учета населения официальными службами.

Как верно отметил один из выдающихся отечественных ономастов В. А. Никонов, собственные имена людей несут в обществе многообразную, ответственную и незаменимую службу, будь это индивидуальное личное имя или его различные формы (ласкательные, презрительные), будь это фамилия, отчество или иные виды имен. «Не один фантаст не смог представить, что получилось бы, если бы внезапно исчезли имена людей, – писал он. – Неизвестно, когда, на какой ступени развития общества и языка они возникали, но происходило это еще в глубокой древности. Во все исторически известные периоды человеческое общество не обходилось без собственных имен его членов» [1, с. 3].

Помимо социально-экономических функций, имена собственные (личные имена, отчества, фамилии и другие виды антропонимов различных народов) наделены и другими функциями – этническими, сакральными, эстетическими, юридическими. У большинства народов в разные эпохи имянаречение (или смена имени) сопровождается обрядами, которые подчас раскрывают много неведомых черт их быта, социального строя и верований, их менталитета, языка и культуры, этногенеза и этнической истории, этногенетических и этнокультурных контактов. В силу специфики антропонимии, она неразрывно связана не только с историей и этнографией, социальной психологией и эстетикой, но немислима и без правоведения, поскольку имя всегда наделялось определенной юридической силой. «Именно правовая функция именования, – констатировал В. А. Никонов, – обусловила возникновение отчеств, позже и фамилий; они подтвердили право наследования. Социальные условия, особенно захват земель в собственность, создавали необходимость юридически закрепить преемственность владений от отца к сыну, от сына к внуку и т.д. Поэтому именно в привилегированном слое фамилии возникали раньше» [1, с. 221].

Мордовский дохристианский антропонимикон богат и разнообразен. Установлено, что в нем, помимо основного самобытного именного массива, насчитывающего не одну сотню имен, было немало славянских, тюркских, арабских и др.; заимствованных мордвой непосредственно или опосредованно от народов – создателей этих имен. Все они, воспринимавшиеся мордвой большей частью от русских еще до христианизации, завершившейся в середине XVIII в., употреблялись наравне с собственно мордовскими. Об этом свидетельствуют, к примеру, документальные материалы, относящиеся к началу XVI в. Так, в судебном списке от 4 апреля 1508 г. по тяжбе братии Печерского Вознесенского

Полянского монастыря с мордвином Ивантой Рамстеевым о владении лесными угодьями за рекой Пьяной сказано: «И судьи спросили Ивантиных знахорей мордвы Учевата, да Ивана, да Узветя: скажите вы в божью правду, по своей вере по мордовской, чей то лес, где мы стоим?» [2, с. 141].

В связи с крещением у мордвы в массовом порядке стали распространяться русские (христианско-православные) имена, официально фиксировавшиеся в церковных метрических книгах. Но в быту они выступали в качестве вторых имен, ибо здесь продолжало превалировать так называемое банное или дохристианское имя, даваемое ребенку по традиционному обряду имянаречения (эрз. *лемдяма*, мокш. *лемидня*, от *лем* – имя, *лемдямс* – дать имя, именовать).

Антиохийский архидиакон Павел Алеппский, посетивший Россию в XVII в., писал о народах Поволжья, в том числе мордве: «Говорят, что некоторые из этих племен, когда у них родится дитя, зовут московитских священников, чтобы они помолились над ним, окадили его и назвали именем какого-либо святого, после же дают ему имя, какое им хочется, и некоторые, по рассказам, дают новорожденному имя животного, какое встретят, выйдя из дому». По словам анонимного автора, скорее всего священника, еще в середине XIX в. встречалось «назначение старухами-мордовками другого имени младенцу, вследствие чего ныне не только старики, но и средних лет люди носят на себе два имени» [3, с. 8; 4, с. 95].

Со временем оба имени, как мордовское традиционное, так и русское (христианско-православное), стали функционировать в мордовской среде наравне, а несколько позже русское имя начало выступать в качестве первоочередного, оттеснив мордовское на второй план, и, наконец, оно полностью заменило мордовское, которое какое-то время еще бытовало в роли прозвища, а то и зоонима. В целом этот антропонимический процесс был довольно длительным, растянувшимся на века (до второй половины XIX в.) и отразившемся в документах, как государственного, так и церковного делопроизводства). Например, в грамоте казанского митрополита Андриана, адресованной архимандриту Спасо-Юнгинского монастыря Мисаилу от 16 ноября 1687 г. о розыске беглых новокрещенных крестьян говорилось: «А буде где в приходе были новокрещены татаровья, и мордва, и черемиса, и чуваша, и иных вер новокрещены, мужеск пол и женск, оставя христианскую веру, перешли жить от верных к прежним своим иноверным сродцам... и о тех новокрещенных имать у них, приходских попов, сказки... описывая всему годы, и месяцы, и числа, кто в веру христианскую крестился и имена их до крещения, и в крещенье как были» [5, с. 72].

Христианско-православные имена на протяжении длительного времени были формальными, казенными, их почти никто не знал. Так, в челобитной новокрещена деревни Сураев Починок Краснослободского присуда Ястефанова на другого новокрещена патриарху Московскому и всея Руси Андриану от 14 июля 1696 г. сообщалось, что «приходил мордовское имя Маска, а русское имя, коим его зовут, того я сирота твой, не упомяну. И пришед он, Маска, ко мне, сироте твоему, в домишко, и взял у меня, сироты твоего, женишку мою Марку» [5, с. 118–119].

Представляет немалый интерес старинный мордовский обычай называть в семье снох особыми, новыми, семейными, «жизненными» именами, по-мордовски *эрямолемть* (эрз. *эрямо*, мокш. *эряма* – жизнь, эрз., мокш.

лем – имя). Когда невесту привозят в дом жениха, его «отец, – писал И. И. Лепехин, – при собрании всех гостей и сродников берет поставленный на столе длинный пирог аршина в полтора за конец и подымает другим концом пирога наложенное на невесту покрывало, говоря сии слова: вот тебе свет, будь счастлива к хлебу, животу, и к размножению семьи. Потом переменяет ей свекор прежнее имя и называет Мезява, большая, если женится старший сын; Сернява, середняя; Вежава, меньшая, по старшинству их мужей. Тогда жених и сродники увидят невесту, а невеста своего жениха или мужа» [6, с. 172].

С крещением мордвы этот обычай стал исполняться после возвращения молодоженов домой с церковного венчания. Как отмечал М. Е. Евсевьев, имен, которые давались молодухам, у эрзи было шесть: Мазавя (красивая женщина), Ашавя (белая женщина), Паравя (хорошая женщина), Вежава (младшая женщина), Сырнява (золотая женщина) и Тятава (значение забыто). «Самыми употребительными из них, – писал он, – были первые четыре, причем первые три давались старшим снохам и в каком угодно порядке, а «Вежава» давалась всегда младшей снохе» [7, с. 254–256].

По этой же причине переписчики иногда ошибочно принимали отмеченные семейные «жизненные» имена за официальные девичьи (женские) имена, фиксируя их в своих писцовых, переписных и ландратских книгах. Например, в разных мордовских деревнях «Книга переписная Саранского уезду яшашным иноверцам 716 и 717 годов» зафиксировала не только указанные выше семейные «жизненные» имена, но и множество других аналогичных им женских имен, носившихся не только женами, но и сестрами, дочерьми, вдовами. Вот некоторые из них: Видявка, Шолдавка, Конавка, Винтавка, Мазавка, Вежгавка, Котравка, Нилтавка, Паравка, Ерава, Кулавка, Шиндявка, Якавка, Азравка, Шенжавка, Мастргавка, Ишавка, Инявка, Велбавка, Вилмавка, Одмавка, Вилдавка, Чиндявка и др.

На взгляд М. Е. Евсевьева, переименование снох связано с имевшим место у мордвы обычаем умыкания и обуславливалось стремлением скрыть «тайну похищения» [7, с. 256]. Однако эту интерпретацию едва ли можно считать достоверной, ибо в таком случае незачем было бы столь строго регламентировать присвоение этих имен, например, младшую сноху непременно именовать Вежава. Думается, более близок к истине Н. Ф. Мокшин, считающий, что указанные женские (жизненные, семейные) имена в отдаленном прошлом вообще не являлись таковыми, а были социальными терминами, обозначающими отношения свойства. Именно поэтому, считает он, так строга их регламентация, так четко соблюдается порядок их присвоения по старшинству. От этих наименований зависели права и обязанности той или иной снохи в большой (неразделенной) семье [8, с. 46–47].

Нельзя не обратить внимание и на то, что «жизненные» имена по структуре своего образования четко отличаются от обычных мордовских женских имен, что также свидетельствует против их признания исконно женскими дохристианскими личными именами. Хотя до нас дошло сравнительно немного мордовских женских имен, поскольку царские власти предпочитали оформлять государственную документацию на мужское население, тем не менее некоторые из них известны как из письменных, так и фольклорных источников. К примеру, в уже упомянутой «Книге переписной Саранского уезду яшашным иноверцам» фигурируют следующие имена: Кенерга, Питярка,

Шаварга (Шоворга, Човарга), Таршорга, Ушмайка, Мизерка (Мозярка), Кодгарка, Тикшайка, Костарка, Нестерга, Лезарка, Конирга, Лемзярка, Кафтарга, Мокшамка (Макшанка, Макшат, Мокша), Жатярга, Аварга, Сумарга, Вязярка, Зорка, Верга, Ведвага, Шиндей, Стирга, Ерзяйка, Татарга, Пятайка, Варзяла, Лемзяра, Мастерка, Кирдяпка, Северга, Дубурга, Сорга, Кенарга, Катарга, Боярга, Томорга, Телторга, Тоторга, Чапурга, Тенгайка, Шиндяся, Сезярка, Ошалка, Эрга, Чеворга. Из фольклорных источников известны женские имена мордвы: Мака, Нака, Паштеня, Цебарка, Лопай, Ракса, Шинду, Лумзур, Саманька, Сыржа, Акамка, Мазярго, Пае, Снальте, Атюта, Нуяль, Кастуша, Цеца, Сэняша, Сиямка, Люкшамка, Сюмерге, Утяша, Найко, Мамилька. Они не похожи на так называемые семейные, «жизненные» имена, образованные, как правило, из двух слов, причем вторым обычно выступает слово *ава* (женщина). Еще одним аргументом в пользу предположения о том, что жизненные имена снох в стародавние времена являлись социальными терминами, можно считать бытование этих терминов у мордвы вплоть до настоящего времени в первоначальной их роли без второй составной части (*ава*): *маза* (звательная форма *мазай*) – жена старшего брата; *тязя* (*тязьяй*) – жена второго брата; *вяжа* (*вяжай*) – жена третьего брата; *нава* (*навай*) – четвертого; *тятя* (*тятяй*) – пятого [9, с. 353; 10, с. 115–119].

Жизненных имен для наречения снох первоначально было больше, ибо речь идет о больших (неразделенных) семьях, численность которых нередко составляла не один десяток человек. С распадом их на малые (нуклеарные) круг этих терминов, выступавших в их первоначальной роли, все более суживался, большая их часть трансформировалась в обычные женские имена, напоминавшие по своему звучанию русские женские имена типа Милавка, Любавка, Белавка, Хоршавка, Синявка, Чернявка, которые также имели хождение среди мордвы.

Идентично образованными титулами, ставшими затем обычными именами, мордва называла не только снох, но и женщин, которые в свое время имели в мордовском обществе иной этносоциальный статус. Так, титулами *кирдява*, *инява* скорее всего назывались жены мордовских правителей – *кирди*, *инязоров*, *каназоров* (от *ине* – великий, *азор* – хозяин, владыка), термином *покишава* (от *покиш* – большой, *ава* – женщина) титуловались жены *покишяев* – глав патриархальных родов (от *покиш* – большой, *атя* – старик), а термином *азрава* (от *азор* – хозяин, *ава* – женщина) жены *кудатей* или *кудазоратей*, т.е. глав больших патриархальных семей (от *кудо* – дом, *азор* – хозяин, *атя* – старик). Все эти нарицательные слова-титулы, обозначавшие этноправовое положение тех или иных женщин, затем, причем в разное время, трансформировались в антропонимы Кирдява, Инява (Онава, Анава), Канава (Канява, Канюва, Кунава, Кунявка), Покшава, Асрава (Азрава, Азравка) [11, с. 115–119].

По аналогичному типу было образовано мордовское женское имя Рузава (от *руз* – русская, *ава* – женщина), служившая, скорее всего, первоначально для обозначения русской по этнической принадлежности снохи в мордовской семье. По-видимому, оно было сравнительно поздним образованием, когда субординационным принцип присвоения жизненных имен по старшинству, влиявший на комплекс прав и обязанностей снох в большой семье, утратил свою былую значимость, в противном случае русская сноха была бы поименована не Рузавой, а одним из «жизненных» (семейных) имен.

Как писал еще В. Г. Белинский в своем знаменитом «Письме к Гоголю», для простого народа уничижительная форма имени оставалась обязательной и в XIX в. С гневом и болью он писал: «Россия представляет собой ужасное зрелище страны, где люди сами себя называют не именами, а кличками: Ваньками, Васьками, Стешками, Палашками» [12, с. 213].

Отмеченная форма имени была перенесена и на народы Поволжья. На современный слух эти различия не имеют этносоциального значения, выражают лишь эмоциональную оценку. Совсем иначе было в прошлом, когда форма личного имени определяло место его носителя на лестнице социальной иерархии. Крупный боярин, перед именем которого трепетали бояре помельче, не говоря уж о людях низших социальных степеней, сам подписывался в челобитной царю не иначе как «холоп твой Васька». Для большинства полиэтнического большинства России несколько столетий уничижительная форма с *-ка* была обязательной [1, с. 19]. Антропонимическое неравенство в России являлось продолжением социально-этнического неравенства.

Особенно много проблем в учете населения государственными службами (политическими, военными, финансовыми, юридическими, церковными), как и помещичьими, происходило в годы крестьянских восстаний, сопровождавшихся массовыми перемещениями населения, которые затрудняли контроль за ним. Например, в рапорте от 2 октября 1774 г. в Краснослободскую воеводскую канцелярию Нарвского пехотного полка поручика Ивана Булычева и материалах допроса, учиненного в этой канцелярии, называются «сысканные ими новокрещены села Синдорово и деревни Колопино, бунтующие под именем известного государственного злодея и изменника Пугачева» Павел Мамкайкин («по-мордовски Кудаш Киреев»), Федор Никитин («по-мордовски Казей Петров») и Яков Иванов («по-мордовски Салтанкин», в другом документе «Салтайкин»), обвинявшиеся в грабеже Троицко-Острожского винокурного завода и в повешении сержанта Никиты Голова. В донесении в Казанскую секретную комиссию премьер-майора (фамилия неразборчива) о мастеровой мордве, чинившей ружья повстанцам Пугачева, упоминается «из мордвы деревни Урметевой Ставропольского уезда новокрещен Сергей Иванов, по-мордовски Велмес» [2, с. 555–557].

Социально-экономическое развитие страны (формирование централизованного государства на огромной территории, расширение торгово-рыночных связей, рост населения городов, стихийное перемещение людских масс в результате тех или иных социально-экономических, этнических и конфессиональных процессов) выдвигало новые требования к антропонимической системе. Отсутствие государственных норм, беспорядочность наименования лиц одного и того же социального слоя или этноса создавали путаницу, ставшую серьезной помехой аппарату управления как в центре, так и на местах. Прежние наименования оказывались не только недостаточными, но и непригодными. Назревала потребность их упорядочения, придания им общегосударственной формы, их развертывания, включения в качестве обязательного параметра наследования. Но до реализации этого показателя, как видно из документальных источников, даже и во второй половине XVII в. было еще далеко.

Указы о переписях в XVII в. настойчиво требовали записывать имена с «отцы» (т.е. с отчествами) и «с прозвища», т.е. с третьим членом антропонимической системы, когда сам термин «прозвище» стал обозначать и фами-

лию. Эти же требования значатся и в разного рода документах официального делопроизводства. Так, в грамоте на пожалование окольного Протасьева землю переведенных из Инсара с Коротляевского острога солдат от 14 августа 1699 г. говорится о необходимости «людей расспросить по именом с отцы и с прозвищи», под которыми подразумевались не только собственно прозвища, прозвания, клички, но и фамилии [2, с. 288].

Исследования, проведенные на обширном материале, позволили выявить процесс установления фамилий в России в качестве социальной нормы и наметить его хронологические рамки. Становление фамилий как особой антропонимической категории не было одноактным событием. Если у социальной верхушки (князей, бояр) они начали формироваться с XIV в., у дворян сложились относительно быстро с первой половины XVI в. по вторую половину XVII в., когда дворянство уже господствовало экономически и политически; к началу XVIII в. у всех помещиков уже были фамилии. У купцов они начали возникать еще в XVI в., но только у крупнейших, «именитых», таких как, например, Строгановы. Дело в том, что фамилия стала привилегией дворянства, с фамилиями у купцов, постоянно пополнявшихся из «низших» сословий, государственный аппарат только мирился. Духовенство, составлявшее в стране довольно обширный социальный слой, еще в середине XVIII в. почти не имело фамилий. Церковнослужителей обычно обозначали по названию церкви, в которой они служили.

У подавляющего большинства русского населения фамилии появились только в XVIII–XIX вв. У крестьян они установились сравнительно поздно: у государственных – с XVIII в., а помещичьим крепостным фамилий не полагалось вплоть до середины XIX в. У крепостных они очень редки, преобладая по преимуществу у зажиточной верхушки, бурмистров, старост. В документах XVIII–XIX вв. Петров, Васильев – не фамилии: сын Ивана Петрова уже не Петров, а Иванов – второй компонент менялся из поколения в поколение [1, с. 165–178].

У мордвы, соответственно, в первую очередь получали фамилии представители знати. Крестившись, они сохраняли за собой и вотчины. Так, в сообщении полковника Потулова о положении однодворцев татар, мордовских мурз и пахотных солдат, поданном 2 декабря 1783 г. в Саранскую нижнюю расправу, говорится о «жалованных от прежних государей за службы» дачах «на фамилии» и о дроблении этих «четвертных дач» в результате того, что «с тех фамилий уже великое число душ умножилось» [2, с. 389].

Фамилии мордве обычно давали русские священники-миссионеры и в купе с ними чиновники, помещики, производя их в основном из дохристианского имени отца или его прозвищного имени по типу русских фамилий на *-ов*, *-ев*, *-ин*, *-кин*, *-онков*, *-енков*, *-ский*. Некоторые фамилии были произведены от названий населенных пунктов, в том числе от именных топонимов, особенно с суффиксом *-ск*, этнонимов *мордва*, *мокша*, *эрзя*. Поскольку отчествами или прозвищными отчествами у мордвы до ее крещения чаще были собственно мордовские личные имена, они и легли в основы произведенных от них фамилий на *-ов*: Алемасов (*Алемас*), Атемасов (*Атемас*), Ведясов (*Ведяс*), Вельмисов (*Вельмис*), Видьманов (*Видьман*), Кедяров (*Кедяр*), Кежватов (*Кежват*), Кирдяков (*Кирдяка*), Кичапов (*Кичапа*), Кочкомазов (*Кочкомаз*); на *-ев*: Гундяев (*Гундяй*), Пилякшев (*Пилякша*), Пуштаев (*Пуштай*), Пыресев (*Пыресь*), Рузаев (*Рузай*), Сайгушев (*Сайгуш*), Сураев (*Сурай*), Тингаев (*Тин*

гай); на *-ин*: Сыряпин (*Сыряпа*), Тумакшин (*Тумакша*), Урявин (*Урява*), Чинякин (*Чиняка*); на *-кин*: Шуфтайкин (*Шуфтай*), Эрекайкин (*Эрекай*), Юфтайкин (*Юфтай*), Янгайкин (*Янгай*); на *-енков/енков*: Курнасенков (*Курнас*), Пурисенков (*Пуресь*), Сыресенков (*Сыресь*); на *-ский*: Паевский (*Паево*), Поводимовский (*Поводимово*), Тумольский (*Тумола*), Шокшинский (*Шокиа*) и др.

Часть фамилий у мордвы была образована путем перевода их русской основы на мордовские (эрзянский и мокшанский) языки, т.е. представляют собой своеобразные фамилии-кальки. В данном случае их основу составляют не личные имена, а любые другие слова (названия зверей, птиц, насекомых, деревьев, растений, предметов домашнего обихода, времен года, окружающего мира и др.): Атямов (мокш. *атям* – гром) – Громов, Канфеев (мокш. *каньф* – конопля) – Коноплев, Кендялов (эрз. *кендял* – клоп) – Клопов, Кичказов (эрз. *кечказ* – крючок) – Крючков, Кувин (мокш. *кува*, эрз. *куво* – корка) – Коркин, Куяров (мокш., эрз. *куяр* – огурец) – Куяров, Левшанкин (эрз. *леви* – мочало) – Мочалкин, Лемзеркин (эрз. *лемзер* – черемуха) – Черемухин, Нумолов (эрз. *нумоло*, мокш. *нумол*) – Заяц – Зайцев, Нумов (мокш. *нума*, эрз. *нуема* – жатва) – Косов, Офтаев (мокш. *офта* – медведь) – Медведев, Петкелев (эрз. *петкель* – пест) – Пестов, Пулов (мокш. *пула*, эрз. *пуло* – хвост) – Хвостов, Ревин (эрз. *реве* – овца) – Овцин, Сандин (эрз. *сандей* – осока) – Осокин, Сяткин (эрз. *сятко* – искра) – Искрин, Сараскин (эрз., мокш. *сараз* – курица) – Курицын, Сакалкин (мокш., эрз. *сакал* – борода) – Бородкин, Салмоков (эрз., мокш. *салмокс* – иголка) – Игольников, Тештисев (эрз. *теште* – звезда) – Звездин, Телин (эрз. *теле* – зима) – Зимин, Толаев (эрз., мокш. *тол* – огонь) – Огнев, Чакшов (эрз. *чакш* – горшок) – Горшков, Ченкснев (эрз. *ченксь* – горелый) – Горелов, Штатолкин (эрз., мокш. *штатол* – свеча) – Свечин, Эскин (эрз. *эске* – гвоздь) – Гвоздин, Яксяргин (эрз. *яксярго*, мокш. *яксярга* – утка) – Уткин, Якшамкин (мокш. *якиам*, эрз. *якиамо* – мороз) – Морозкин и т.п.

Ряд фамилий у мордвы создан на основе как мордовских, так и русских прозвищных отчеств, от патронимических имен, дохристианских (нехристианских) русских имен, христианских (православных) календарных имен в основном еврейского и греческого происхождения. Последние, по существу, не обладают ничем специфически мордовским, разве лишь широкой распространенностью среди мордвы: Аброськин, Агейкин, Алешкин, Антошкин, Асташов, Архипкин, Афонькин, Борискин, Васькин, Володькин, Гераськин, Григорькин, Дарькин, Демяшкин, Доронькин, Еремкин, Игнашкин, Илюшкин, Кирюшкин, Костюшкин, Лушкин, Логинкин, Любушкин, Левкин, Макаркин, Макарейкин, Макушкин, Матюшкин, Максимкин, Меркушкин, Мироскин, Михалкин, Назаркин, Настюшкин, Нефедкин, Нестеркин, Николашкин, Потапкин, Пронькин, Петряйкин, Степушкин, Савкин, Сергушкин, Тимошкин, Тишкин, Тиханкин, Устимкин, Федосейкин, Фомкин, Фролкин, Шаронов, Шарапов, Якушкин, Яшкин и др.

До нас дошло немало фамилий мордвы, содержащих в своей основе тюрко-арабские имена: Асманкин (*Асман*), Асманов (*Асман*), Алямкин (*Алим*), Акмайкин (*Акмай*), Алаев (*Алай*), Аюшев (*Аюш*), Бабуров (*Бабур*), Байков (*Бай*), Бакайкин (*Бакай*), Бектяшкин (*Бектяш*), Битейкин (*Битей*), Бошкайкин (*Бошкай*), Бурханов (*Бурхан*), Бухаркин (*Бухар*), Дугушкин (*Дугуш*), Есмаев (*Есмай*), Ерусланкин (*Еруслан*), Исламкин (*Ислам*), Исабайкин (*Исабай*), Каймаков (*Каймак*), Касимкин (*Касим*), Конаков (*Конак*), Кемай-

кин (*Кемай*), Кильдяев (*Кильдяй*), Кабайкин (*Кабай*), Куманяев (*Куман*), Куняев (*Куняй*), Мурзакаев (*Мурзакай*), Мурзаев (*Мурзай*), Ногаев (*Ногай*), Резяпкин (*Резяп*), Саламкин (*Салам*), Сардаев (*Сардай*), Солтаганов (*Солтаган*), Сабаев (*Сабай*), Тюгаев (*Тюгай*), Чембулатов (*Чембулат*), Чимбаев (*Чимбай*), Челмайкин (*Челмай*), Чебайкин (*Чебай*), Чигодайкин (*Чигодай*), Шибайкин (*Шибай*), Юртайкин (*Юртай*), Ямашкин (*Ямаш*) и др.

В общественной жизни мордвы наряду с подлинными именами и фамилиями или вместо них бытовали и вымышленные имена и фамилии, т.е. псевдонимы. Особенно распространены они были в среде творческой интеллигенции, которая стала формироваться у мордвы во второй половине XIX – начале XX в. Наиболее известным не только в России, но и за рубежом стал псевдоним выдающегося скульптора Степана Дмитриевича Нефедова – *Эрзя*, в выборе которого, безусловно, отразилось стремление его носителя к этнонациональному самоутверждению, популяризации родного народа в мировой этносфере. Эта же тенденция имела место и в советские годы: *А. Мордвин* (писатель А. И. Завалишин), *А. Мокшони* (писатель А. И. Кочетков), *П. Мокшанин* (журналист П. И. Козеняшев), *П. Мокшев* (журналист П. В. Шавензов).

Некоторые писатели имели несколько псевдонимов. Так, уже упомянутый А. И. Завалишин выступал не только под псевдонимом *А. Мордвин*, но и *А. Кулевчинский* (*Кулевчи* – поселок на Урале, где он родился), *А. Курбский*. В своем письме к Н. Рубакину – известному русскому книгоиздателю – А. И. Завалишин сообщал: «В сборнике я написал *А. Курбский* для того, чтобы, если арестуют, не узнали меня» [13, с. 99].

Не чуждались псевдонимов и политические деятели из мордвы, нередко преследуемые правоохранительными органами царского самодержавия. Так, член ЦК партии социалистов-революционеров – уроженец эрзя-мордовского села Кулясово Саратовской губернии (ныне Камешкирского района Пензенской области), депутат 1-й Государственной думы, редактор журнала «Дело народа» Григорий Карпович Ульянов (1864–1943) – много публиковался в России и за рубежом под псевдонимом *Иван Деревенский*, а его коллега по партии и думской «фракции трудовиков», уроженец эрзя-мордовского села Камаевка Петровского уезда Саратовской губернии Степан Васильевич Аникин (1869–1919) имел псевдоним *С. Чардымский*, произведенный им от гидронима реки Чардым, на берегу которой стоит его родное село Камаевка.

Под псевдонимом *Сибиряк* выступал Илларион Сергеевич Поздяев – уроженец эрзя-мордовского села Старые Турдаки (ныне в Кочкуровском районе Мордовии), общественный деятель Мордовии, ученый, а другой его однофамилец поэт Петр Уварович Поздяев – уроженец эрзя-мордовского села Салдоманово (ныне Лукояновского района Нижегородской области) – в литературе более известен как *Гайни* (эрз. *гайни* – звенящий, громко звучащий).

В советское время некоторые писатели и поэты в качестве псевдонимов использовали дохристианские мордовские и русские личные имена: *Никул Эркай* – Николай Лазаревич Эркай – уроженец эрзя-мордовского села Курилово Ромодановского района Республики Мордовия (*Иркай* – мордовское дохристианское личное имя), *Максим Бебан* – Максим Афанасьевич Бябин – уроженец мокша-мордовского села Керетино Ковылкинского района Республики Мордовия (*Бебан* – скорее всего, стилизация под дохристианское мор-

довское имя), *Юртай* (тюрк.) – псевдоним поэта Андрея Матвеевича Сафронова, уроженца мокша-мордовского села Азрапино Шемышейского района Пензенской области.

Другие производили псевдонимы от топонимов, гидронимов, ойконимов (названий селений): *Радин-Аловский* – псевдоним писателя Василия Ивановича Радаева, уроженца эрзя-мордовского села Алово Николо-Пестровского района Пензенской области, *Корсаевский* – псевдоним Ивана Яковлевича Бондякова, языковеда, фольклориста, писателя, уроженца мокша-мордовского села Корсаевка Пензенской губернии; *Леша Рав* (*рав* – морд. Волга) – писатель Рогожин Алексей Владимирович, уроженец эрзя-мордовского села Барабаш-Нарусово ныне Комсомольского района Чувашии.

Часть писателей и поэтов предпочитала выступать под псевдонимами, восходящими этимологически к названиям сил и объектов природы: *Андрей Ендол* (эрз. *ендол* – молния) – Андрей Дмитриевич Куторкин, *Василий Пурьгине* (эрз. *пурьгине* – гром) – Василий Владимирович Горбунов, *Петр Эрьке* (эрз. *эрьке* – озеро) – Петр Семенович Кириллов, *Морянь* (от *море*) *Митя* (Дмитрий Морской) – Дмитрий Иванович Малышев, *Кумбря* (эрз. *кумбря* – раковина, ракушка) – Петр Васильевич Прохоров, *Корш* (эрз. *сова*) – Андрей Иванович Маскаев, *Андрей Пизел* (эрз. *пизел* – рябина) – Петр Андреевич Ключагин.

Ряд псевдонимов был образован из аббревиатур, представляющих собой синтез первых букв имени, отчества и фамилии автора: *Виард* (Василий Иванович Ардеев), *Ильфек* (Ильин Федор Константинович), *Финет* (Федор Иванович Петербургский); имелись псевдонимы, особенно у поэтов, связанные со стихами, песней: *Артур Моро* (эрз. *моро* – песня) – Афанасий Матвеевич Осипов, *Илья Морыця* (эрз. *морыця* – поющий) – Илья Петрович Кривошеев и др.

В постсоветские годы вновь ожила тенденция выступать под псевдонимами, связанная с процессами возрождения утраченных ономастических особенностей мордовской культуры, в том числе возврата к традиционному имени. Ряд активистов этнического возрождения на страницах печатных изданий, особенно газеты «Эрзянь мастор» – печатном органе Общества спасения эрзянского языка – стали подписывать свои публикации псевдонимами, в качестве которых выступают мордовские дохристианские личные имена или стилизации под них.

Здесь будет нелишним напомнить, что дохристианская антропонимическая модель у мордвы была не трехчленной (фамилия, имя, отчество), а двухчленной, состоящей из личного имени и имени отца: *Нуянь Видяс* (оба слова – дохристианские мордовские антропонимы) – псевдоним редактора газеты «Эрзянь мастор» Евгения Владимировича Четвергова, *Кишуманцянь Пиргуж* (*Кишуманця* – эрзя-мордовское название села Старое Качаево Большеигнатовского района Мордовии, уроженцем которого является носитель данного псевдонима, *Пиргуж* (дохристианское мордовское личное имя)) – председатель Общественного фонда спасения эрзянского языка Григорий Дмитриевич Мусалев; *Эрюш Вежай* (*Эрюш* – мордовская адаптация христианско-православного имени Ерофей, *Вежай* – мордовское дохристианское личное имя) – псевдоним одного из активистов эрзянского национального движения, корреспондентов газеты «Эрзянь мастор» Бориса Алексеевича Ерюшова и т.д. Правда, указанные лица и их последователи не считают дан-

ные антропонимы псевдонимами, объявляя таковыми христианские имена, насильно навязанными мордве в процессе ее принудительной христианизации в XVI–XVIII вв.

Список литературы

1. **Никонов, В. А.** Имя и общество / В. А. Никонов. – М. : Наука, 1974. – 278 с.
2. Документы и материалы по истории Мордовской АССР. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1940. – Т. 1. – С. 141.
3. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. – М., 1898.
4. **Зеленин, Д. К.** Дореволюционный быт мордвы / Д. К. Зеленин // Советская этнография. – М. : Л., 1938. – Т. 1.
5. Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1940. – Т. 2.
6. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта И. Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году. – СПб., 1771. – Ч. 1.
7. **Евсевьев, М. Е.** Мордовская свадьба / М. Е. Евсевьев. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1959.
8. **Мокшин, Н. Ф.** Тайны мордовских имен: исторический ономастикон мордовского народа / Н. Ф. Мокшин. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1991. – 112 с.
9. **Бабушкина, Р. В.** Термины родства как факты генетической связи мордовского народа с другими финно-угорскими народами / Р. В. Бабушкина // Этногенез мордовского народа. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1965.
10. **Мокшин, Н. Ф.** Вторые имена у мордвы / Н. Ф. Мокшин // Советская этнография. – 1975. – № 3.
11. **Мокшин, Н. Ф.** Тайны мордовских имен / Н. Ф. Мокшин. – Саранск, 1991. – С. 51–52.
12. **Белинский, В. Г.** Письмо к Гоголю / В. Г. Белинский // Полное собрание сочинений. – М., 1956. – Т. X.
13. **Прокофьева, А. Г.** Биографические и творческие связи А. И. Завалишина с Оренбургским краем / А. Г. Прокофьева // Оренбургская мордва: этническая история и духовная культура. – Оренбург : Печатный дом «Димур», 1998. – С. 99.